
Нелли Эльфвинг
Второе рождение

Нелли Элфвинг
Второе рождение

https://litres.ru/74982492
SelfPub; 2026

Аннотация

Вдохновлённая бессмертным романом Теодора Драйзера «Гений», я хотела вновь прикоснуться к миру большого искусства, больших денег, ярких талантов и переплетения судеб — так родилось «Второе рождение».

Действие разворачивается вокруг крупной американской редакции — места, где зажигают звёзды и сталкиваются амбиции. Повествование ведётся от имени главного редактора Дэвида — мужчины, который всю жизнь был ведом женщинами и избегал глубоких привязанностей.

Рядом с ним — Маргарет, прошедшая через сиротство, монастырь и боль разлуки со своим сыном, скитающимся по приёмным семьям. Но всё меняет появление загадочной Беллы с парижским прошлым и тайной рождения, связанной с самим владельцем редакции. Череда драматических событий поставит Дэвида перед главным выбором в жизни — и подарит настоящее второе рождение каждому из них.

Нелли Элфвинг
Второе рождение

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

Она рассмешила меня сразу, как только влетела, как ветер, споткнувшись при входе, с растрёпанными волосами и каким-то огромным пакетом в руках... Что это за явление? Oh, my God! Красное вечернее платье с открытой спиной и длинные капроновые перчатки! Вот это да! Дамы начали удивлённо шептаться, ну а мужчины, конечно же, заинтересованно поглядывать... Разве она сама не понимает, что такой прикид совсем недопустим в подобном случае? Во всяком случае сконфуженной она совсем не выглядит. Похоже, что она даже не утруждает себя задуматься над такой «ерундой». Ага, пакет она оставила в фойе... Смешно, неуместно, но меня охватило неудержимое любопытство узнать, что могло бы быть в этом пакете, принадлежащем такой загадочной особе.

Я пробрался в фойе, подошёл к трюмо, где был оставлен пакет... Он был красочно упакован и перевязан красной лентой (не в цвет ли наряда?). Большего мне узнать не удалось... Все вокруг бегали, суетились, ждали прибытия почётных гостей, прессы. Шеф оторвался от срочных распоряжений и с сияющей улыбкой направился... ко мне. К чему бы это?

— Дэвид, извини, совсем нет времени на объяснения, скоро начнётся передача. Мы справимся без тебя сегодня. У меня к тебе не менее ответственная просьба — срочно найти девушку в красном вечернем платье и увести её отсюда. Даже не понимаю, почему она здесь, её наверняка нет в списке приглашённых. Да, кстати, её зовут Бэлла, помешана на картах, котах, шоколаде. Вперёд, Дэвид, скоро начнётся передача!

Я стоял с минуту в замешательстве: почему я? Я вроде бы никогда не отличался достоинствами Казановы... Должен признаться, что это непростое задание для меня, да ещё срочное, хмм... не только познакомиться, а ещё и увести отсюда.

А может быть, за время моего отпуска в редакции произошли изменения, и шеф решил меня удалить с передачи заодно с Бэллой? Ну что теперь ломать голову, надо выполнять это нелепое поручение. Итак: карты, коты, шоколад. Негусто информации. Но хоть есть за что зацепиться. Где же она?

Вон, кажется, в углу с миссис Ларссон. Ну, это уже удача: миссис Ларссон столь разговорчивая, что стоит только мне показаться в её поле зрения, как она сама сразу найдёт тему для беседы. И точно!

— О, Дэвид, как поживаешь? Как провёл отпуск? Как мама?

— Добрый вечер, миссис Ларссон, спасибо, у меня всё хорошо, а вот у матушки свои небольшие проблемы.

— Да что ты говоришь! Она всегда такая активная и жизнерадостная.

— Да-да, это правда. Но сейчас она прямо в депрессии, так как её лучшая подруга, да ко всему ещё напарница по карточным играм, уехала в Портленд навестить внуков, да что-то долго не возвращается. Для матушки это большая потеря. Ведь это не секрет, что они обе заядлые картёжницы. А в её возрасте нелегко найти замену.

Бэлла подскочила с дивана, глаза её заблестели... Да, я видел подобный взгляд у настоящих игроков. Она спросила:

— А ты не хотел бы сам научиться играть в покер или в бридж, например?

Я несколько сконфузился от такой неприкрытой фамильярности, но тут вмешалась миссис Ларссон:

— Ох, прошу прощения, я совсем забыла Вас представить друг другу: это Дэвид Персонс, наш главный редактор, только вернулся из отпуска, а это Бэлла Аллисон, уже неделю как находится у нас на практике.

Я раскланялся в любезностях, ну а Бэлла и в этом случае пренебрегла формальностями. Она смотрела на меня в ожидании ответа, считая процедуру представления неуместной помехой.

— Честно говоря, я не совсем понимаю пользы от такого увлечения. На мой взгляд, эта страсть приводит к стяжательству. Коротать вечера за карточной игрой позволительно только одиноким старикам... хе-хе...

Бэлла была крайне задета моим высказыванием и не смогла сдержать своего возмущения:

— Да-а, так выразиться может только человек, который ни разу не сидел за карточным столом. Понятно... Хотелось бы отметить, игра в карты стимулирует работу нашего мозга, заполняет нашу душу яркими эмоциями, поставляет в кровь адреналин, вырабатывает стойкий характер, толкает на решительные действия!

— Ох, я даже не мог предположить, что столь положи-

тельного воздействия на человека можно достичь без участия психотерапевта или спортивных занятий. Тогда я незамедлительно готов приступить к изучению столь благоприятного увлечения.

Бэлла внимательно всмотрелась в меня, не совсем уверенная в моей искренности. К счастью, миссис Ларссон увидела кого-то в другой стороне зала и вежливо удалилась.

— Вот бы был приятный сюрприз для матушки, если бы я умел играть в бридж. Тогда бы ей не пришлось горевать во время отсутствия приятельницы. Не знаю только, смогу ли я быстро освоить эту премудрую науку.

— Ты хочешь научиться только в бридж? Ха, это намного легче, чем в преферанс или покер. Примерно дело в пару вечеров.

— У тебя хорошая осведомлённость в этом вопросе, Бэлла. Может, ты смогла бы помочь найти для меня учителя на пару вечеров?

— А скажи мне, когда ты готов приступить к обучению? Я, наверное, смогу тебе помочь.

— Это счастливый случай! Когда? Ну, уж коли карты

вырабатывают стойкий характер и толкают на решительные действия, то я готов хоть сейчас!

— О'кей, сейчас так сейчас. Через 5 минут я буду ждать тебя на улице, на автостоянке.

И, не дождавшись даже моего подтверждения, Бэлла стремительно удалилась. Я направился к выходу. Шеф, окружённый суетой, благодарно мне улыбнулся... Ну что ж, похоже, с заданием я справился. И всё равно в голове всплывали разные вопросы, догадки, опасения: Почему именно я? Что это за девушка? Не случилось ли действительно чего-нибудь нового за время моего отпуска? и т. д. и т. п. Ну, как говорила Скарлетт: Подумаю об этом завтра.

Бэлла быстро впорхнула в мою машину. В руках у неё был тот самый красочный пакет. Она не стала ничего объяснять, ну а я не стал её об этом спрашивать. Усевшись поудобней впереди, она не обращала на меня никакого внимания, как будто я сам должен знать, куда ехать. Не буду сейчас перечислять всех своих достоинств, но сдержанность давно уже признана одним из них. Поэтому и сейчас я просто ехал и старался не нарушать её внутреннего уединения.

Бэлла сняла с себя капроновые перчатки, скрутила их аккуратным рулончиком и спрятала в вырез платья. Я неволь-

но обратил внимание на её цвета красивого загара высокую грудь. Её отрешённость не нервировала меня. Наоборот, эта непосредственность делала её уютной невидимкой. Было в этом что-то притягательное и лёгкое. И я тоже незаметно погрузился в свои мысли. Я начал замечать, что задание мне начинает нравиться. Хорошо, что оно имеет продолжение...

И вдруг во рту я почувствовал большой кусок шоколада. Бэлла, сбросив туфли, свернувшись калачиком, рьяно разрывала бумагу от красочного пакета. Отломив и для себя большой кусок, она отбросила пакет на заднее сиденье. Тут я нашёл уместным спросить, куда ехать. Как-то на мгновение удивившись моему вопросу, она ответила:

— Поехали к тебе.

Тут начал было удивляться я: почему она не спросила, есть ли у меня карты, удобно ли ехать ко мне домой? Она ведь вообще ничего обо мне не знает, кроме того, что я главный редактор. Вроде, наоборот, должна смущаться... ничего не понимаю, что это за особа. Да и неважно, главное — задание выполнено.

В лифте девушка стала бесцеремонно разглядывать меня. Усмехнувшись, остановила внимание на моём галстуке... Несколько сконфузившись, я произнёс, как можно больше

добавив голосу беззаботного юмора:

— Ах, видимо, галстук не совсем подходит к этому костюму... Всё остальное, смею надеяться, ОК?

Бэлла тоже не без иронии медленно пропела:

— Ну разве ж истинное достоинство галстуком испортишь?

— О, благодарю, я очень польщён...

Она вошла, как к себе домой, даже не интересуясь интерьером. Надо признать, что моё жильё отличается определённой экстравагантностью, что я обычно привык слышать от гостей. Но то, что Бэлла даже этого не заметила, натолкнуло меня на мысль, что эта девушка — привыкшая к роскоши. Или уж она из мира иллюзий, коли совсем не видит окружения. Ох, как же это мало говорит о человеке: коты, карты, шоколад... Да что-то и о картах она вроде не вспоминает...

Сбросив в прихожей туфли на высоченных каблуках, гостья самостоятельно прошла в гостиную и непринуждённо плюхнулась на диван. Я поставил спокойный блюз и пошёл в бар приготовить напитки. Безразличие Бэллы меня несколь-

ко задевало. Что это — безразличие ко всему вокруг или только к моей персоне, моя непривлекательность или просто разница в возрасте?

Я наблюдал за ней со стороны: кажется, музыка пришлась ей по вкусу, она тихонько напевала и двигала в такт ногой. Её нельзя было назвать красавицей — несколько простоватый тип лица, но в то же время какая-то особенная природная дикость и грация. Слегка небрежная причёска из густых, очень кудрявых волос, маленькие, несколько острые глазки, большой красивый рот. И очень тонкая кость. На вид ей не больше 20. Но независимое поведение создаёт предположение о вполне сформировавшемся самобытном характере.

Я привык общаться с дамами своего круга и с некоторой грустью невольно отметил, что в принципе они мало отличались одна от другой: те же манеры, те же ценности, те же цели и почти те же модные увлечения (гольф или теннис). Бэлла явно не принадлежала к их числу. Видимо, это и привлекало меня как что-то неизвестное... Не знаю почему, но одновременно я ощущал что-то трагичное и опасное в самом моём любопытстве. Мне стало жарко, охватило внезапное волнение, какая-то внутренняя тревога.

Я наполнил бокалы шампанским и направился в гостиную. Бэлла резко встала, стряхнула с себя отрешённое состо-

яние и мило улыбнулась мне. Да, это уже было точно мне! Именно сейчас она была со мной. Я протянул ей бокал, она опять улыбнулась, дотронувшись до моей шеи, где не было того «смешного» галстука.

— Я рад, что тебе так больше нравится...

Господи, откуда во мне это волнение?

Бэлла отпила шампанского и, не сводя с меня пристального взгляда, стала раскачивать бёдрами в такт музыке. Подойдя ко мне вплотную, она призакрыла глаза и протянула мне губы для поцелуя... Я моментально прильнул к ним своими губами, почувствовав приятную свежесть вина... Бэлла с жадностью целовала меня, как будто пыталась утолить свою какую-то внутреннюю жажду... Она вся пребывала в каком-то незнакомом мне состоянии возбуждения, её страсть несла отвлечённое от этого мира животное начало... Чувствовалось, что ей неважен был объект излияния своих чувств, она вся принадлежала какой-то дикой первозданной природе. Эта естественность и неудержимая страсть охватили всю мою чувственность, мои ноги подкашивались...

Я невольно опустился на диван. Моя мужская природа бессовестно выдавала возбуждение, неудержимо вырываясь из оков одежды... Бэлла помогла ей «вырваться на волю», с

одобрением оглядывая со всех сторон.

— Wow, — почти прохрипела она.

Это одобрение придало мне уверенности и окончательного подтверждения, что неловкость и сомнения сейчас неуместны. И я позволил себе полностью отключиться от реальности, отдаться внезапному желанию слиться с миром незнакомки, лишённым всяких условностей и предрассудков. И медленно и уверенно усевшись на меня верхом, она впустила меня в себя с нескрываемым наслаждением. Бэлла настороженно замерла, как будто прислушивалась к гармонии наших ощущений...

Незнакомые мне ранее манеры вызывали во мне дрожь и полное подчинение желаниям неожиданной гостьи... Закрыв глаза и медленно покачиваясь в такт музыке, Бэлла крепко сжимала меня чувственными объятьями... От меня не требовалось никакого участия... Неожиданность, лёгкость, естественность и природная страстность партнёрши привели меня к вершине блаженства в считанные минуты... Я не мог управлять своими действиями... Бэлла застонала от удовольствия... Я куда-то как будто провалился... я не мог вернуться в реальность, я не хотел в неё возвращаться.

Когда я пришёл в себя, Бэлла уже поспешно обувалась и

на ходу поправляла причёску...

— Не волнуйся, я доберусь сама, и... — дверь за ней захлопнулась.

Дверь захлопнулась, и закончился мираж, от которого остались реальными недопитое вино и запах сладких духов. Я допил оба бокала залпом, разместился на диване и попытался воспроизвести в памяти приятные ощущения происшедшего. Но меня, наоборот, охватило пугающее чувство тревоги, даже предчувствие чего-то фатального... и вместо отрешённого взгляда Бэллы представало сосредоточенное и даже строгое выражение лица Маргарет. Ужас! Такое ощущение, что она всё видела.

О, Господи, ведь я первый всегда проповедовал важность верности во взаимоотношениях. Значит, я только умел говорить об этом? Или я и на самом деле так считал? И что я должен думать о верности теперь? И есть ли она вообще на свете? И действительно ли она так важна? Значит, я чего-то недопонимал, раз так легко поддался сиюминутной слабости.

Маргарет... она такая красивая, яркая, энергичная. Она опять готовит к выпуску новый диск, вокруг постоянно крутятся мужчины, творческие мужчины со свободными взгля-

дами. Как ей удаётся не поддаваться эмоциям? И удаётся ли? Я никогда об этом не думал, да и Маргарет никогда не проявляла ревности по отношению ко мне. Что я значу для неё? Все эти вопросы без ответов привели меня к признанию себя желторотым юнцом, который ещё не успел задуматься ни над чем самостоятельно. Ну а что я? Мне уже 36, а я так и живу как в колбе: все жизненные переживания иногда только наблюдаю на экране телевизора или из рассказов знакомых... Может, незря люди ищут адреналин даже в карточной игре...

Проснулся я в 5 утра. Так и проспал всю ночь на диване, даже не раздеваясь. Хорошо хоть есть достаточно времени привести себя в норму перед работой. Оставшиеся в машине запах духов и шоколад на заднем сиденье остановили на мгновение моё дыхание, сердце учащённо забилось... О Господи. Что это? Я прямо как подросток. В мыслях воскресла картина на диване... ух... как тревожно застучало в висках...

Только я вошёл в кабинет, сразу зазвонил телефон. Могу ещё и не отвечать — время 8:50. Да и не хочется терять 10 минут из мира иллюзий. Ну так и не отвечу: 10 минут — это 600 секунд, почти 600 ударов пульса... 9:00 — опять звонок. Маргарет. Она в каком-то волнении, неужели знает?

— Дэвид, что за шутки! Я вчера тебе звонила весь вечер по всем телефонам! Ты меня удивляешь! Увидимся вечером.

До встречи. — И бросила трубку.

Слава Богу, она не дала мне произнести ни слова — это хоть на время моё спасение. А что же делать вечером? Что лучше — правда или ложь? Ложь? А ведь я и не умею... да ещё и Маргарет. Ложь и Маргарет... хм... вещи несовместимые. Ну, до вечера ещё есть время. Надо бы и поработать.

Весь день пролетел в суете. Шеф был в отсутствии, да и Бэлла не появлялась мне на глаза, а спрашивать сотрудников о ней я не решался. К концу дня опять позвонила Маргарет и сказала, что она задерживается, но сама приедет ко мне после 20:00. Это вызвало во мне ужасное чувство, как перед посещением зубного врача: и не закричать, и не убежать. А просто надо.

Я стал слишком много думать о жизни и о формировании личности, о времени, в которое выпадает двум людям встретить друг друга. И главное — о смысле этих встреч. Всё равно рано или поздно обречено на разрушение, вот бы хоть кто-то на день увидел мою душу такой, какая она есть. А Бэлла? Я часто вспоминал её в течение дня. Таких встреч со мной никогда не было. Куда же она пропала? Почему даже не захотела поговорить? Наш момент тогда был идеальным. Но будет ли так, если я узнаю о ней больше? Могли ли бы мы начать с ней встречаться?

Мне нужно куда-то уехать, надо выбрать три других континента и лететь туда, нужно всё переосмыслить, я не в порядке, я совершенно потерян для самого себя. Я буду писать дневники, много молчать и подолгу смотреть в одну и ту же точку. Это должно помочь, я должен что-то изменить в своей жизни, я совсем не счастлив. Я запутался, я не понимаю, что со мной происходит.

Маргарет. Мы никогда не ссорились, не выясняли отношений, и как-то незаметно уже 2 года как вместе, а зачем и почему... даже никогда не приходилось подумать... а вот сейчас почему-то пришло на ум. То, что мы вместе, по-моему, это решение Маргарет. Она так захотела, особо меня не спрашивая. Она очень деловая, целеустремлённая, конкретная, честная. Стабильная. Нет-нет, мне жаловаться не на что, с ней очень хорошо. Она умеет принимать решения, проявлять заботу, уважение.

Маргарет знает всё: когда у кого День рождения, как провести отпуск, с кем стоит общаться. Конечно, помимо оригинального голоса, ещё и эти качества помогают ей так стремительно достигать столь большой популярности. Она устраивает творческие вечера, занимается благотворительной деятельностью, что только укрепляет её популярность. Маргарет никогда не поддаётся унынию, она умеет держать свой

солидный имидж. Очень решительная. Это она решила всё за нас двоих.

Наедине она спокойная и заботливая, следит за моим правильным режимом, даже какой костюм надеть к какому случаю определяет Маргарет. К этому было приятно привыкать. Не зря Бэлла в лифте усмехнулась над моим галстуком: Маргарет в тот вечер была в отъезде, прикид я выбрал сам... Бэлла... О! В первый раз за всё время связи с Маргарет я отдал бы всё, чтобы избежать сегодняшней встречи. Меньше всего мне хотелось бы врать и ещё меньше хотелось бы говорить правду. Ну, посмотрим, как сложится вечер. И как я смог попасть в такую непонятную ситуацию? Бэлла... ничего не понимаю... Как мне удалось так быстро увести её из редакции? Никогда раньше я не был так активен с женщинами. Скорее они сами уводили меня. Может, я стал мудрее или увереннее? Да нет. Я, кажется, догадываюсь: это сработала внутренняя установка на эффективность действия. Ведь шеф сказал, что это надо выполнить как можно скорей. Вот и заработала программа, когда нет времени и шансов на сомнения, размышления. Просто откидываешь всю шелуху и сосредотачиваешься только на главной цели, тогда и высвобождаются все твои внутренние резервы и способности. Особенно когда знаешь, ради чего это делаешь.

Ну и ради чего был этот случай? Хм, наверное, просто

сработал инстинкт самосохранения. Ведь не секрет, как шеф реагирует на поступки, не оправдывающие его доверия. Вообще-то тут дело не в самосохранении, вроде я его и не боюсь, сам факт успешно выполнить поручение шефа мне лично всегда приятен, ведь шеф... Ох, ну что я всё «шеф» да «шеф». У него, между прочим, есть имя.

Билл, да, Билл Брукс. Кстати, очень продвинутая персона: он мастерски умеет сочетать в себе деловые и человеческие качества. Но только не в рабочей обстановке: на работе это непреклонный идеалист, для которого результат превыше всего, но только не любой ценой, а высоким профессионализмом и полной преданностью своему делу. Фальши и халтуры Билл не допускает. Надо отдать должное его природным способностям организатора и врождённому чутью находить таланты. Весь наш художественный отдел наполнен такими одарёнными специалистами, что каждый в отдельности представляет из себя неординарную личность в сфере искусства: это и иллюстраторы, и графики, и журналисты.

Билл знает, что вне редакции они могут добиться большей признательности своих талантов, поэтому и удерживает их щедрой оплатой и, главное, стабильностью. Эта стабильность и перевесила у них желание быть «свободными художниками». И он всегда знает, что и это ненадолго — как волка ни корми, его всё равно в лес тянет... Не может талант

быть долго вне свободы... Билл доверяет начальникам отделов, платит им щедро, но и требует немало.

По своему происхождению Билл никогда не принадлежал ни к богеме, ни к интеллигенции. Но умелым манипулированием талантами и деньгами сумел добиться достойного положения в обществе. Самые престижные салоны искусств, галереи, концертные залы неизменно публикуются в журналах Билла. Самые яркие события из жизни богемы деликатно и с признанием освещаются на страницах прессы под управлением его издательств. Немало талантов он сумел найти, поддержать, развить, а потом существовать за счёт их славы и популярности.

Рабочий день прошёл обычно. Все, как и всегда, были очень заняты, шефа весь день не было на месте. А я весь день просидел в кабинете, более увлечённый своими мыслями, чем делами. Хорошо, что это оказалось возможным.

В выходные я погрузился в изучение эпохи импрессионизма, мне вдруг захотелось понять, что чувствуют художники, что ими движет. Пару раз после этого я даже вышел на пленэр в качестве эксперимента. Художник из меня никакой, но попробовать стоило, ведь у нас только одна жизнь. Из моих «походов» мало что вышло: этюд с рассветом унесло ветром, в другой раз моя машина просто заглохла в пол-

нейшей глуши, и я вернулся домой совершенно уставшим на сутки позже. Пока я шёл домой, я начал связывать стремление создать что-то прекрасное, передать то, что чувствуешь, с жизнью любого обычного человека, у которого потребности совсем базовые: иметь кров и хлеб, любить и быть любимым, иметь семью и образование, положение в обществе, любимую профессию.

Я очень устал от зноя, и меня полностью искусали комары. Пленэр — удел настоящих художников. Потому что он про преодоление. Нужно бороться с жарой и холодом, подолгу стоять в неудобной позе ради удачного ракурса, учитывать капризы погоды, терпеть жажду и голод. Тащить с собой материалы, холсты и краски. Вставать на рассвете и провожать закаты. Работать в ускоренном темпе и при этом выдавать хороший результат. А ещё это быть постоянно в краске, отмахиваться от комаров и назойливых прохожих. А потом, уставшим, совершать обратный путь, пытаясь сохранить работу в целости и сохранности, сгибаясь под тяжестью переносной мастерской. И даже зная обо всех этих трудностях, снова и снова выходить на пленэр в поисках прекрасного. Весь этот опыт очень утомил меня, я опять запутался и ощущал пустоту ещё больше. Ведь я никакой не художник, о чём я вообще смею рассуждать? Я уехал за сотни миль к своему старому приятелю из колледжа, взяв выходной. Мне хотелось много молчать, читать книги и пить виски.

Потом дни шли своим чередом, и началась ещё одна неделя. В четверг вечером приехала Маргарет. Она выглядела очень усталой, и тем не менее с присущей ей энергией рассказывала о вчерашнем концерте. Я заметил, что впервые я смотрел на неё как бы со стороны. Всегда у меня было ощущение, что она моя повелительница, а я её подопечный. Теперь это ощущение куда-то исчезло. Стало как-то легко и естественно.

— Я очень рад за тебя, дорогая, но беспокоюсь, что ты слишком утруждаешь себя, много работаешь и мало себя бережёшь. Я думаю, что тебе неплохо было бы остановиться, свить своё гнёздышко: муж, дети.

— Наверное, ты прав — я действительно очень устаю, но только моя деятельность отвлекает меня от таких идиотских мыслей: гнёздышко, муж, дети. Что ты несёшь? Покажи мне хоть одно уютное гнёздышко. Везде фальшь, жадность, предательства. Это не для меня, поверь.

— Ну что ты, дорогая, откуда такие мрачные картины? Ты такая красивая, известная, надёжная, любой порядочный джентльмен был бы счастлив свить с тобой тёпленькое гнёздышко.

— Нет, Дэвид, я даже не хочу ни говорить, ни думать об этом.

Я почувствовал, что в этих словах скрыт какой-то особый смысл. Кажется, я совсем не знаю Маргарет — ни её мыслей, ни её прошлого. Нежно улыбаясь, я произнёс:

— Ты бессердечно убиваешь во мне надежду, крошка. Я уже начинаю подумывать о нашем гнёздышке... Разве тебе было бы плохо со мной?

Маргарет неподдельно удивилась. Кажется, она никогда и не готовилась к такой беседе.

— С тобой? Дэвид, Дэвид, если бы ты только знал, как именно сейчас мне не хотелось бы затрагивать эту тему. Я очень извиняюсь, но лучше будет, если я сейчас поеду домой. Я очень устала и действительно хочу побыть одна. Я хотела сегодня о многом поговорить с тобой — давай перенесём беседу хотя бы на завтра. До встречи. — И она ушла.

Да уж, это действительно странно. Она никогда не была столь непредсказуема. Получается, что я совсем не знаю эту женщину... Действительно ли она не хочет семью? Выбирает ли она только карьеру? Ради чего? Ради славы или денег? Независимости?

Маргарет живёт в нашем городе уже 2 года и за это время добилась серьёзного признания в мире шоу-бизнеса и утвердилась в глазах своей публики. Завела престижные знакомства, но нельзя сказать, что близких друзей. Как-то всё немного странно. У Маргарет предостаточно денег, но она снимает скромную квартиру. Ей уже 32 года, но она никогда не говорила, что хотела бы иметь детей. Она никогда не спрашивала меня о моих планах на будущее. Почему же она всё-таки дорожила нашей близостью и вот уже 2 года, как она заботится обо мне и, кажется, соблюдает верность? Мне захотелось прямо сейчас прояснить наши отношения, и я позвонил Маргарет.

— Маргарет, что ты думаешь, если мы в ближайшие дни проведём время в загородном домике, отдохнём вместе?

— Спасибо, Дэвид, это прекрасная идея, причём действительно пришло время поговорить о наших отношениях. Сейчас я уже почти сплю, извини. Созвонимся завтра, спокойной ночи.

Она сказала просто «Дэвид». Обычно перед сном говорила «спокойной ночи, дорогой». Я почувствовал, что наши отношения подходят к концу. Но я не почувствовал печали, появилось запоздалое желание понять Маргарет, узнать

о ней побольше. Надо признать, что с ней было хорошо, легко, надёжно, без проблем... Но, видимо, этого недостаточно.

Три месяца пролетели в рабочей суете. Шеф находился в Сан-Франциско на выставке молодых художников и каждые 2–3 часа звонил мне, давая новые указания по подготовке срочного материала. После обеда Маргарет сообщила, что завтра после обеда она вполне свободна и мы можем отправиться в загородный домик. Она пообещала, как обычно, позаботиться обо всём необходимом. В ней была какая-то материнская забота. На людях она была холодна со мной, даже повелительна. Но наедине всегда особенно внимательная и мягкая. Но почему-то я не смог полюбить её как женщину, когда важны не только достоинства, а даже привлекают недостатки. Как женщина она как будто бы сама была от всех закрыта.

На место мы прибыли к вечеру. Природа уже начинала готовиться к осени: чувствовалось похолодание, сырость почвы, кое-где появились пожелтевшие листья. Пахло осенним лесом и деревом. В такие дни особенно приятно посидеть у потрескивающего камина с бокалом вина и ощущать временное отключение от мирской суеты с кем-то очень близким.

Сегодня Маргарет была сдержаннее обычного своего со-

стояния. Она даже была тихая и задумчивая. И я впервые взял все заботы по созданию уюта на себя. Скоро мы уже удобно расположились у камина. Я молчал, чувствуя начало чего-то серьёзного. И Маргарет начала:

— Ты, Дэвид, первый человек, которому бы я хотела рассказать всё о себе. Я доверяю тебе и считаю своим надёжным другом. Я мало надеюсь, что ты сможешь полностью понять меня, но я должна быть с тобой откровенной. Ты вряд ли сможешь понять, так как у нас очень разное происхождение и, соответственно, прошлое. Ты родился и вырос в благополучной семье. Тебе никогда не приходилось бороться за выживание. Ты родился под счастливой звездой, и я от души рада за тебя.

У меня же было всё совсем иначе. Я родилась без отца. Мать была очень хорошенькая, но наивная и слабая женщина. Всё своё детство я помню только её слёзы после каждого ушедшего мужчины. Я чувствовала, как глубоко она влюбляется в каждого и как потом сильно страдает. Она часто теряла работу, и мы были вынуждены голодать и часто менять места жительства... В итоге она попала под машину, и я до сих пор не знаю, случайно или нет, но в 16 лет я осталась совсем одна.

Добрые люди помогли мне найти работу в книжном мага-

зине. Хозяйка магазина отвела меня в церковь, где мне дали маленькую комнатку. Там я начала петь в церковном хоре. Потихоньку я стала привыкать к самостоятельной жизни. У меня совсем не было друзей. Так как мы переехали туда незадолго до смерти мамы. Да и, честно говоря, люди относились ко мне настороженно из-за нашей не совсем обычной репутации.

И вот однажды из Сан-Франциско приехал на каникулы сын моих хозяев. Я влюбилась в него с первого взгляда. Мы стали встречаться тайно, так как знали, что его родители не одобрят нашей связи. Не хочу описывать всё, что я тогда пережила — было много и хорошего. В общем, я осталась одна... С животом... А мой возлюбленный уехал продолжать повышать свой уровень... Уехал навсегда.

В церкви скрывать было уже невозможно, состоялась серьёзная беседа, и меня увезли в женский монастырь. Это подействовало благотворно на мою беременность. Я не чувствовала себя обиженной, так как научилась уже понимать, что на всё воля Божья. Самое главное — уметь сохранить в душе чувство любви. Ведь Бог есть любовь. Перед Богом нет виноватых. Я с большой радостью готовилась к появлению малыша. Я знала, что с его рождением кончится моё одиночество. Я приобрету чувство любви. Я смогу давать любовь. И я каждый день благодарила Бога за, пусть даже такой труд-

ный, но путь приобретения любви.

Я родила прекрасного мальчика. Только тогда я сразу поняла, как он важен для меня. Я хотела показать ему жизнь. Я не желала ни ему, ни мне провести всю жизнь в стенах монастыря. У меня открылось второе дыхание, неуёмное стремление к счастью. Мы прожили в монастыре год. Сынишка подрос, научился ходить и даже немного разговаривать. Он был здоровым ребёнком, с ним не было особых хлопот.

Я решила, что мне пора возвращаться в мирскую жизнь: добиться положения в обществе, материального достатка. Переговорив с настоятельницей монастыря, чтобы мальчик пожил у них, пока я встану на ноги, я покинула своего любимого маленького человечка. Это было очень трудно для меня... Но не на кого нам в жизни было рассчитывать, кроме как на собственные силы и терпение. Особенно было трудно потому, что я знала правила нахождения в монастыре незаконнорожденных детей: в любой момент его может усыновить бездетная семья... Была только одна надежда на мои скорые достижения в нахождении заработка.

Мне и правда быстро повезло! Я хорошо пела и нашла место в музыкальном ансамбле. Мы много разъезжали с концертами, я опять поверила людям и жизни... Там же родилась и новая любовь. Новый возлюбленный предложил поженить-

ся. Я была счастлива, что наконец-то у меня будет своя семья и мы сможем забрать ребёнка и жить как нормальные люди. Я рассказала ему всю правду... Но он её не понял. Более того, он избил меня, оскорбил и... исчез.

У меня уже были свои деньги, и я решила забрать сына и посвятить жизнь только ему. Я совсем перестала уважать мужчин и возненавидела любовь, раз она принесла так много горя моей матери, мне и моему сыну. Я дала себе слово, что никогда больше не поверю мужчине...

Я приехала в монастырь. Моё сердце упало в пятки, когда я увидела опущенные взоры монашек... У меня, как у животного, сработало шестое чувство... Я знала, что больше ничего не смогу выдерживать, и я стала безудержно рыдать. Мой приступ отчаяния продолжался весь день. Когда уже не было сил рыдать, мне объяснили, что 2 недели назад мальчика усыновила очень добропорядочная немолодая пара, у которых всю жизнь не было детей. Это убило меня окончательно...

Я серьёзно заболела. Депрессия. Я ничего не могла делать. Я потеряла интерес не только к мужчинам, но и к жизни... Я отреклась от Бога... Так прошёл год. Монастырь угнетал меня. Неожиданно пришло новое решение: я опять решила вернуться в грешный мир, работать и усыновить сироту, как

добрые люди усыновили моего мальчика. Забылись старые обиды. Надо было опять восстанавливать любовь к жизни, иначе не подняться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.